

не выделяются. А сроки поездок в столицы указаны с учетом переездов (с Урала и обратно). При этом в определении сроков сделаны округления до целого месяца. Как видно из таблицы Геннин за период с 8 декабря 1722 г. по 31 декабря 1734 г. находился в Екатеринбурге в сумме 80 месяцев или 6 лет и 8 месяцев. За этот же период времени в Пыскоре и Соликамске он жил 26 месяцев. А в поездках с Урала в столицы и пребывания в последних он провел 39 месяцев или 3 года и 3 месяца, т.е. почти треть времени от общего пребывания на Урале.

Таким образом, Геннин в Екатеринбурге находился несколько более половины своего пребывания на посту Главного командира казенных уральских заводов.

-
1. Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Вилима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. № 5.
 2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1.
 3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12.
 4. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / В. Генин. Екатеринбург, 1995. С. 274.
 5. Карелин В. Г. Последний отъезд Геннина с Урала // Третьи Чупинские чтения. Екатеринбург, 2006.
 6. Корепанов Н. С. Геннин на Урале / Н. С. Корепанов. Екатеринбург, 2006.
 7. Корепанов Н. С. К истории написания книги В. И. Генина // Пятые татищевские чтения. Екатеринбург, 2004.

О. МИХАЙЛОВА

Любовь, разлука и война в уральском рукописном сборнике 1814 года

Рукописные и старопечатные сборники начала XIX в. отражают широкое песенное своеобразие и могут быть рассмотрены ретроспективно и перспективно. Они содержат важнейшие исторические песни, относящиеся к разным эпохам. К сожалению, они не всегда успевают фиксировать песни, зарождающиеся в окружающей современности, появляющиеся буквально на глазах, будь то «доморощенное» солдатское творчество, панегирический виват профессионального литератора или анонимная песня, происхождение которой невозможно определить совершенно точно.

Один из рукописных сборников с широчайшей палитрой песенных текстов разной тематики и содержания, а также несколькими драгоценными — не нашедшими соответствие в других сборниках того времени или распространенными весьма скупо — историческими песнями, есть на Урале, в Отделе редкой книги областной библиотеки им. В. Г. Белинского.

Рукописный Уральский сборник песен имеет размеры 4°, состоит из 121 листа, написан скорописью нескольких типов коричневыми чернилами.

Филигрань Герб Ярославля датируется 1814 г. Филигрань «Pro Patria» датируется 1812 г. Сборник вызывает интерес как культурно-исторический феномен, песенные тексты которого отражают события тех дней и имеют народнопоэтическое и литературное происхождение.

Собиратель делит песенник на три неравных части. В первой части содержится 11 текстов. Второй части, состоящей также из 11 песен, предшествует заметка «Песни, выписанные для органов по второму валлу». Завершает эту часть следующая заметка: «Все окончены 22 песни на органах и будут разные веселые песни после сих». Третья часть — самая большая, она состоит из 254 текстов. Каждая часть начинается новой нумерацией.

Таким образом, в составе сборника 276 песен, из которых 8 представлены только в виде названий, например: песня № 7 из второй части «Камаринская» или песня № 1 из третьей части «Марш французский в походе».

Песенным текстам Уральского сборника предшествует оглавление алфавитного принципа. Вероятно, в рукописи не хватает нескольких листов, поскольку это оглавление оканчивается на букве «У», хотя в самом сборнике присутствуют песни, начинающиеся на последующие буквы. Можно также сделать предположение, что собирание песен предшествовало оглавлению, для которого собиратель оставил недостаточно листов. Во всяком случае, это говорит о том, что собиратель записывал песни «по горячим следам», не ориентируясь ни на алфавитный принцип, ни на тематический. Песни одной тематики не структурированы в Уральском сборнике, они могут располагаться в совершенно разных его частях. Все это сближает сборник и материал, в нем изложенный, что делает сборник особенно ценным. Он «живой», по нему можно проследить моменты собирательства, интересы и предпочтения собирателя.

Листы, на которых размещено оглавление, не сопровождаются нумерацией страниц. Собиратель указывает инципит песни, ее номер в сборнике, а также номер страницы, на которой она расположена. Однако делает он это с недостаточным вниманием к буквам, следующим за первой: «Ах вы, ку-

мушки, голубушки, подружки...», «Ах утушка луговая, люли-люли, луговая...», «Ах, с тобою я расстался...».

Исходя из теории М. Н. Сперанского о пяти классификационных группах рукописных сборников по содержанию, исследуемый Уральский сборник относится к пятой группе, которая предполагает песенный характер рукописи, нотные приложения или заметки собирателя типа «на голос такой-то песни» с приведением инципита песни [27, с. 28–48].

Некоторые песни сопровождаются указанием на их тематическую и генетическую принадлежность, принцип и манеру исполнения, тип музыкального мотива. В составе песен военной тематики Уральского сборника несколько текстов сопровождаются такой пометкой, что, вероятно, говорит об общеизвестности мотива.

Изданные песенные сборники начала XIX в. отражают широкое тематическое своеобразие. Содержание «Новейшего всеобщего песенника, или песенного собрания лучших всякого рода песен» 1810 г. эклектично: он включает любовные, протяжные, пастушеские, театральные песни, хоры для кадрили польского балета, арии и хоры из оперы, военные и солдатские песни, плясовые, цыганские, хороводные, свадебные, святочные, подблюдные, малороссийские, издевочные песни, а также песни «разного содержания». «Новейший российский избранный песенник» 1817 г. включает большое количество пастушеских, театральных, хороводных, цыганских, святочных, свадебных, военных, былевых, темничных или невольнических, сатирических и малороссийских песен. Песенник сопровождается комментарием: «Собранный из лучших Авторов, в удовольствие любителей пения». Вероятно, назначение песенных сборников начала XIX в. было эстетическим, а сами они носили хрестоматийный характер, включая песни совершенно разной поэтики и тематики. На это указывает и существование карманных песенников, также предназначенных, вероятно, «в удовольствие любителей пения». Подобную классификацию отражает и изданный «Новейший российский песенник» 1812 г.: нежные, любовные, пастушеские, простонародные, театральные, военные, издевочные, веселые, печальные, плясовые, цыганские, хороводные, малороссийские песни.

В сравнении с указанными печатными сборниками этого времени тематическое деление песенного состава Уральского сборника специфично. В нем преобладают любовные песни, а также песни военные, солдатские, исторические. При этом он не включает обрядовой поэзии. Исходя из датировки рукописи (1812–1814), ее жанрового состава и содержания песен, можно сделать предположение о той среде, в которой создавался сборник. Вероят-

но, это была городская, притом военная среда. Собирателем, возможно, был свидетелем или непосредственным участником боевых действий.

Генетическую принадлежность собиратель отмечает только у некоторых песен народного происхождения, озаглавливая их «простонародные». Песни, имеющие литературное происхождение, анонимны.

Деление по генетическому происхождению относительно, в ряде случаев можно говорить о том, что песни исходят из народнопоэтической и литературной традиций, но между ними есть принадлежащие массовому искусству, и это не дает однозначно относить ту или иную песню к какой-либо из этих традиций. Как отмечает Ю. М. Лотман, в конце XVIII — начале XIX вв. анонимная поэзия имела массовый характер и в основном бытовала в рукописных сборниках [19, с. 819]. Таким образом, вполне возможно, что и в составе Уральского сборника есть анонимные песни литературного происхождения, тем более что некоторые из песен, хотя и не сопровождаются ссылкой на автора, все же общеизвестны, имеют даже хрестоматийный характер, и потому легко можно определить их авторство.

Среди военных песен исследуемого сборника также есть песни письменного (не устного) происхождения, что, однако, не поясняется собирателем. Такие песни представляется затруднительным относить к какой-то определенной традиции. Одна из интереснейших военных песен «Не в чистом поле, не в пустой степи...» (Л. 59 — 60 об., № 71) написана традиционным для былин тоническим стихом. Основой сюжета песни является героическое событие — война с Наполеоном Бонапартом. Но в былине, которую называли «старинной», подразумевается, что описываемые события всегда относятся к прошлому, и героями являются богатыри. Уральский сборник песен же датируем первой четвертью XIX в., к этому времени относятся события песни. Можно предположить, что эта песня — искусно выполненная стилизация. Песенные образы созданы в основном за счет символических образов птиц. Определенной породе птиц соответствует нация, и эти параллели имеют свою иерархию. Русские — «орлы северны», а о французах и их союзниках говорится следующим образом: «Бонапарт-злодей не одних скворцов на Москву пустил, а привел он с собой и гусей, и грачей, и чижей, и синиц, воробьев, журавлей и сорок, и ворон, коршунов и сычей, вислоухих сов и ночных филинов, да и тех дураков — полевых дудаков...». То, что песня повествует об исторической действительности, слушатель или читатель может понять только по историческим реалиям, которые единично упоминаются в тексте. В аллегорическом плане представлена Отечественная война 1812 г. и ее участники.

«Слетались орлы северны и садились вокруг каменной Москвы... они думали крепку думушку» — очевидно, изображается совет русских войск перед сражением с французами. Все маркеры с негативной окраской относятся к описанию французов; характерны в этом отношении эпитеты Бонапарта: «лихой», «варвар», «изверг», «злодей», «ушастый сыч», «летуча мышь», «корсиканский петух», то есть песня не лишена смехового начала. Особый эффект создается за счет своеобразного оксюморона: через повествовательную строгость былины просвечивает сатирическое отношение к французу, в частности к Наполеону: «Осрамил ты нас всех, мелких птичек своих, разорил, поморил, побираться пустил. Вперед песней ты, сыч, не обманешь уж нас! Да и кто же видал, да и кто же слышал, чтоб ободранный сыч мог сравниться с орлом? Орел — всем птицам царь, всему свету — судья, а ощипанный сыч — всему свету смех». Песня тождественна тексту позднего сборника, изданного в 1817 г. Различно одно обращение: «Вперед песней ты, сыч, не обманешь уж нас» (вариант Уральского сборника) и «Вперед, песской ты сын, не обманешь уж нас» (вариант «Новейшего российского избранного песенника» 1817 г.). Важно и различие в тематическом определении этого песенного текста. Собираатель Уральского песенника определяет его как «историческую песню», что, вероятно, связано с былинной традицией, особой патетикой и лексикой, а также с непосредственной близостью этого события, его живым ощущением, которое, несмотря на насмешку, проникнуто переживанием. Песня сборника 1817 г. тематически определяется как «сатирическая», для нее на первый план выдвигается сатирический элемент, и вследствие этого она даже воспринимается иначе. Песня, представленная в «Новейшем российском избранном песеннике» 1817 г., поздняя по отношению к песенному тексту Уральского сборника, который мог существовать до того только в рукописной традиции. С другой стороны, можно предположить, что песни времен Отечественной войны 1812 г. издавались и бытовали в качестве агитационных листовок. Распространяясь среди народа, они постепенно «обрастали» все новыми и новыми вариантами. Так или иначе, имеет значение контекст, в котором может быть рассмотрена песня.

Образы и мотивы песни традиционны для былинного песенного жанра: «орлы северны», «каменная Москва», «святая Русь». Поздние записи н. XX в. свидетельствуют, что эти образы переходили из песни в песню: «Мы двенадцатого года поседелье орлы», «видел нову каменну Москву», «потряслася мать-сырая земля» [28, с. 13–14].

Интересно сравнить песню с одним из текстов рукописного сборника второй половины XIX в., хранящегося в отделе редких книг научной библиотеки Уральского федерального университета «Где же ты матушка, белокаменная Москва». По жанру наиболее близкая к плачу, она повествует о событиях 1612 г., славит «отшествие злых литовских сил», откликаясь таким образом на Отечественную войну. В тексте иносказательно проводится мысль о том, что время наполеоновских войн дало вспомнить время смут и литовского нашествия: «во что видится в Москве-матушке вопль, стон и плач, во что слышится после двух веков». Одним из самых ярких эмоциональных откликов на бедствия, постигшие Россию в Смутное время, стал «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» [23, с. 5]. Вероятно, плач сборника XIX в. также является стилизацией. Таким образом, стилизация в это время, по всей видимости, приобретает традиционный характер. Однако, вне зависимости от жанровых определений, образы переходят из песни в песню, становятся архетипами: «Москва-матушка» — «тепло гнездо», «сердечушко царства русского»; «царь-батюшка», «дети верные, люди русские». Особо подчеркивается значение Москвы, как богоизбранного города, патриархальный уклад русской земли, родовая преемственность, а вместе с тем и патриотизм. Так, стилизация песни под серьезный эпический жанр былины или лирико-драматический жанр плача, позволяет выразить переживание наиболее полно, обдуманно, и вместе с тем показать современность содержания, его актуальность.

Важной для военной песни является категория исторической памяти — набора исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа. Песня представляет собой не только отклик на вершащиеся события, но и воспоминание о прошлом опыте побед: «Мы Мамай поразили, пал пред нами бурный швед; Фридерик уступил нам на поприще побед», «И мы примем его по-старинному, по-старинному, по-Суворовски!», «Вспомним, братцы, россос славу! И пойдем врагов разить», «Вспомним, братцы, что поляки встарь бывали также в ней [в Москве]; но не жирной кулебяки — ели кошек и мышей». Можно сказать, что функции песни увеличиваются: эстетическое наслаждение, ободрение, агитация, исторически значимое воспоминание.

На примере песни «Не в чистом поле, не в пустой степи» можно еще раз подчеркнуть особенность песен антифранцузского содержания — острая сатирическая направленность. Это отражено во многих военных песнях

этого периода. «Новейший российский избранный песенник» 1817 г. включает около десяти сатирических песен, сочиненных «по занятии Москвы французами». Все они построены на антитезе «матушки белокаменной, Москвы красной, златоглавой», Москвы, «величавой», «сердцу милой» и французов — «выродков ада» [21, с. 57]. Широкий и полифоничный спектр определений для французов: «злые звери»; «грабители», которым «пardonу нет»; «злодей»; они должны «будто мышь в норе сидеть» и «носу не казать»; они — «сволочь»; «зверь дикой»; «гость незваной»; «враг — яр-черный вран»; «Чад Корсики»; «Корсиканский вран», «песской сын». Ирония в описании ситуаций, происходящих или должных произойти с французами, постепенно превращается в едкий сарказм — особо язвительную, сатирическую по направленности иронию, изобличающую явления, особо опасные по своим общественным последствиям [8, с. 100].

Ту же тему продолжает известная в солдатских кругах песня «Мальбрук в поход наш едет» (Л. 77 об. — 78, № 104), сочиненная французскими солдатами в 1709 г. накануне знаменитого сражения при Мальплаке. В стане французов пронёсся ложный слух о том, что убит виновник их предыдущих неудач в войне за испанское наследство герцог Мальборо, руководивший английскими войсками, которого французы называли на свой лад «Мальбруком». Так появилась песня о Мальбруке, начинавшаяся словами: «Мальбрук в поход поехал, Миронтон, миронтон, миронтэн». В песне рассказывалось о том, как жена Мальбрука ждёт своего мужа, ушедшего на войну. Прошло много времени, а Мальбрук всё не возвращается. Весть о смерти Мальбрука приносит паж, который сообщает, что на погребении Мальбрука присутствовали все офицеры, которые несли его панцирь, щит и длинную саблю. Вскоре популярная песня на злободневный сюжет была забыта. И вот в 1812 г. песня получила «второе дыхание», а имя Мальбрука приобрело нарицательный характер: так иносказательно стали звать того, чье начинание обернулось неудачей [17, с. 50–58].

Песня бытовала во множестве вариантов, переделок, пародировалась писателями-современниками. В солдатском обиходе слова песни были изменены, приобретая комические и непристойные подробности. Имя полководца Мальбрука при этом сохранилось, но под ним безусловно подразумевали Наполеона. Сборник содержит один из наиболее близких к полнейшему переводному тексту вариантов. Исследователь В. Е. Гусев в «Песнях и романсах русских поэтов» помещает вариант этой песни в раздел «Песни неизвестных авторов XVIII — начала XIX века», определяя ее генетическую принадлежность: песня имеет литературное происхождение [24, с. 208].

В «Новейшем российском избранном песеннике» представлены два варианта этой песни: практически тождественный «Мальбрук в поход наш едет» и пародийный вариант «Фельдмаршал к войску едет», являющийся уже своего рода пародией на пародию. В этой песне меняется «мера смеха» [8, с. 106]. Она приобретает карнавальный, бурлескный характер. Серьезным, близким к патетическому, языком повествуется о «смерти и почетном погребении одного знаменитого фельдмаршала». Только помета с указанием «На голос: “Мальбрук в поход поехал” и строки “Племянница хотела узнать, за чем в Херсон с отчаяньем летела, как Геркулесов конь”» выдают пародийный, комический характер песни. Оригинал («Мальбрук в поход наш едет») в жанровом отношении близок к балладе (которая принадлежит литературной традиции), песне бытового содержания на любовную тему. Ее пародийный вариант снижает комическое содержание: это не история любящих супругов, повествование идет о переживаниях племянницы за своего дядю. Тема становится семейной, близкой к бытовой. Таким образом, жанр уже определяется иначе: песня бытового содержания на бытовую тему.

Под влиянием событий Отечественной войны пишет свои знаменитые песни Ф. Н. Глинка. Две из них есть в сборнике: «Скоро зов послышим к бою» (Л. 112, № 191) и «Вспомним, братцы россов славу» (Л. 112, № 192). Примечательно, что песни приобрели настолько массовый характер, что некоторые печатные песенные издания определяют их как песни народной традиции. В частности, сборник «1812 год в песнях», посвященный столетнему юбилею Отечественной войны, снабжает песню «Вспомним, братцы россов славу» следующим комментарием: «Песня эта в 1812 году сложена смоленскими партизанами и ополченцами» [1, с. 22]. Песня повествует о Смоленском сражении. Примечательны здесь маркеры — характеристики французов: «злые звери», «злодеи разъяренны», «враг строптивый», «змея лютый». Подобные эпитеты встречаются в некоторых песнях других песенных сборников. Например, в песне «Разорёна путь-дороженька...» француз называется вором, в песне «Сражение с французами» — злым «французиком» [25, с. 260]. Вероятно, существовала определенная традиция, по которой в песне важно было выделить одно качество врага и, придав ему гиперболизированную форму, высмеять. В песне Ф. Н. Глинки это исползуется для противопоставления русских и французов.

Оба песенных текста можно определить как панегирические «виваты» (прославления), и это уже более возвышенная сторона в песне. Такие «виваты» адресованы обычно императору или полководцам.

«Скоро зов послышим к бою» написана на голос песни «Веселяся в чистом поле...» (Л. 13 об. — 14, № 10), также представленной в сборнике в двух вариантах. Как отмечает В. Е. Гусев, создание стихотворений «на голос» являлось для поэзии второй половины XVIII в. характерной тенденцией [24, с. 208]. Эта песня, очевидно, имела массовый характер и исполнялась в солдатских кругах. Основная идея, выражающаяся в песне — преданность русского воина своему начальнику: «Рады мы с тобою в воду, рады в огонь, в непогоду, всякой с тобою нам край кажется рай, рай, рай, рай». Ф. Н. Глинка, сохраняя ключевую идею, адресует песню конкретному человеку: «Милорадович где с нами, лавр повсюду там цветет, с верой, с ним и со штыками русский строй весь свет пройдет».

Как свидетельствуют документы, в рядах русской армии на Бородинском поле, под Лейпцигом, при взятии Парижа, можно было встретить уральских мастеровых, заводских людей, также крестьян, мещан и представителей других сословий [29, с. 5]. В 1812 г. было много рекрутских наборов, они буквально следовали один за другим [14, с. 17]. Присланные с Каменного пояса бойцы были в рядах отряда генерала М. А. Милорадовича. Вероятно, с этим связано наличие такой песни в составе тематического пласта военных песен Уральского сборника.

Еще один панегирический «виват» в составе Уральского сборника обращен к графу П. А. Румянцеву-Задунайскому: «Нам нельзя того оставить, чтоб Румянцева не славить, граф Румянец — наш отец, мы сплетем ему венец...» (Л. 87, № 127). Главного героя восхваляют за то, что «знает разные примеры, когда время — так стрелять и когда пообождать...», т.е. за его черты как полководца. Но важно отметить, что песни, имеющие народное происхождение, задают своеобразную тенденцию: в песнях устойчив мотив «полководец для солдата как отец». В пределах пласта военных песен исследуемого сборника это прослеживается в текстах, как литературного происхождения, так и в песнях с неопределенной генетической принадлежностью.

В отличие от предыдущих песен Уральского сборника «Батюшка Никола с нами» (Л. 110 — 110 об., № 186) датирована 1799 г., следовательно, относится к одним из первых наполеоновских войн, тому времени, когда движение с Запада на Восток только было начато. Песня, как и многие, откровенно сатирична: «француз лишь черту сват», «варвар без управы», «таку комедь играет, что не слыхивал никто». Таким образом, традиция противопоставления русских и французских войск, действительно существовала. Пренебрежительное отношение к врагу, осмеяние его прослежива-

ется в песне любой жанровой принадлежности: былины, плача, «вивата» или же песен узкого круга, предназначенных для исполнения в солдатской среде. Общим для песен становится смеховое начало.

При этом в песнях воинской тематики Уральского сборника проявлены практически все «меры смеха». Это и шутка (юмористическая безобидная насмешка), проявленная в песнях солдатской среды, пронизанных незлобивой самоиронией: «На Руси повеселимся, мед у нас и пиво есть, для чего мы все родимся? Мы родимся — пить и есть!»; это и насмешка (сатирическая шутка), использованная во всех антифранцузских песнях; это и намек (переходная форма от иронии, скрытой насмешки, бьющей исподтишка), представленный в песне «Уж как нуте, господа...» (Л. 87 — 87 об., № 128).

Здесь рассказывается о том, как некий русский генерал «проедает, пропивает» русскую армию прусскому королю. Высмеивают его не только за то, что он «годит в полку, курит трубку табаку...», но и за его неумение руководить: «нас и в строй не ставит и палить нам не велит». Показательно в этой песне отсутствие вышеназванного мотива: солдаты высмеивают генерала, для них он не «отец», не заслуживает уважения и восхваления. Таким образом, чтобы обозначить отношение к руководству, песня пользуется одними и теми же приемами. Солдату в полководце важно умение руководить, а также подчеркнутое патриархальное отношение.

Тема наполеоновских войн продолжается в песне «Несись повсюду, громка слава...» (Л. 109 об. — 110, № 185). Собиратель при ней делает заметку: «Военная песнь на баталию при Кульме». Историческим контекстом песни является победа русских войск под командованием генерала Остермана-Толстого над наполеоновскими в 1813 г. возле местечка Кульм в Чехословакии. Песня интересна, синкретична в жанровом отношении. Это и панегирический «виват», и духовный псалом. При этом она многоголосна, что характерно для кантов, и в конце имеет молитву, что является признаком гимна, как жанра религиозной лирики.

Среди военных песен Уральского сборника есть солдатские песни, отличающиеся удалством и молодцеватостью. Они отличаются даже лексикой — она приближена к разговорной. Содержание таких песен предельно просто. Соглашаясь с исследователем Ю. В. Келдышем, можно назвать их «короткими и острыми припевками, проникнутыми бойким юмором и весельем» [15, с. 269–272]. Например, показательны в этом отношении строки «Веселитесь все наши солдаты, славой, честью своей, что мы страшны всем нашим злодеям, мы их рубим, жжем и бьем, и бьем! Мы не

трусим, хоть их числом и больше...» (Л. 61 об. — 62, № 73). Такие песни представляют собой тип кантов, связанных с традицией народной песни.

В составе «Новейшего российского избранного песенника» 1817 г. тоже есть песня такого характера. Вероятно, ее связь с народной традицией может подтвердить помета, предшествующая тексту: «На голос: «По мосту, мосту» — песня, определяемая другими сборниками (в частности, «Великорусские народные песни» А. И. Соболевского) как простонародная. В качестве основных мотивов таких песен можно назвать счастье, ощущаемое в вине и еде: «И вкус знал бы я в вине — вот в чем счастье прямое, вот на что солдат живет!», а также желание битвы, будоражащей и веселящей: «Мы их рубим, жжем и бьем», «Лихо скачем, уклоняясь, с нами вместе веселятся, не приятно ль это? — ась!».

Помимо двух песен Ф. Н. Глинки, в Уральском сборнике есть еще одна авторская песня «Гром победы, раздавайся...» (Л. 60 об. — 61 об., № 72), которая была неофициальным русским национальным гимном конца XVIII — начала XIX столетия [З, с. 119]. Песня была написана Г. Р. Державиным в 1791 г., поводом к чему послужило взятие русскими войсками под командованием А. В. Суворова османской крепости Измаил в ходе Второй турецкой войны. Песня имеет панегирический характер и обращена к Екатерине II. Интересно, что в военно-исторических песнях сборника существует песня «Звук веселья, раздавайся...» (Л. 34 — 34 об., № 27). Скорее всего, это — один из вариантов Державинского гимна «Гром победы, раздавайся...». На это указывает и помета собирателя: «На голос «Гром победы, раздавайся». Однако в этом варианте песни обращения к Екатерине нет, ее имя вообще не упоминается. Вместо этого: «Звук веселья, раздавайся в день счастливый, дорогой, ты, милена, украшайся нравом ангельским, душой, веселись и утешайся ты, прекрасная, в свой век...». Если в державинском гимне патетика возникает после событий выигранной битвы, а Екатерина названа «нежной матерью» русского народа, его «душой», то вариант песни более легок, объектом его восхваления становится простой человек. Здесь есть и элементы пожеланий: «Веселись и утешайся ты, прекрасная, в свой век, счастья мы тебе желаем все от искренних сердец, дорожить тобою знаем, твой покой есть нам венец...». Можно предположить, что текст является переделкой оригинальной песни Державина и стилизован под манеру ее исполнения.

Песня «Сказать ли вам, братцы, про диковинку...» (Л. 91, № 136) написана на общеизвестный сюжет «смерть Краснощечкова от крымского хана» и в доступных печатных изданиях представлена в разных вариантах. Песни об

атамане казачьего войска Краснощекове представляют своеобразный цикл: Краснощек в плену («Приуныло, приумолкло войско донское...»), Краснощек сражен пулей («Ах, во тысяча семьсот сорок втором году...»), Гибель Краснощекова («Что сказать ли вам, братцы, про диковинку...»). Интересно, что, как и выше упоминаемая «Не в чистом поле, не в пустой степи...», песня имеет былинно-сказовый характер, что создает противоречие формы и содержания: повествуется о времени русско-турецких войн, но форма отсылает к эпической древности.

Пласт военных песен рукописного сборника включает шесть песен народного происхождения. В них ведущим становится мотив рекрутчины. Это отчетливо проявлено в песнях без упоминания конкретных исторических реалий. При этом содержательно они не всегда коррелируют с событиями наполеоновских войн. Например, «Говорил-то мне сердечный друг» (Л. 36 об. — 37, № 31), нашедшая соответствия и в песенных собраниях XIX в., и в хрестоматийных изданиях XX в., повествует от лица лирической героини о «дружке», ушедшем в поход, «в омут, землю турецкую». Существуют варианты, в которых герой уходит в шведскую землю. Вероятно, эта песня важна не в содержательном аспекте. Она — естественный отклик на события Отечественной войны. Как указывает А. Дмитриев, в это время «отчетливо, со всей ясностью восставала в воображении многих подобная же година тяжелого испытания, ровно за 200 лет перед тем в 1612 г.» [11, с. 158–159]. Вспоминались образы Минина и Пожарского. В составе «Новейшего российского избранного песенника» есть песня, прямо обращающаяся к Пожарскому: «Встань, Пожарской князь... Встань, великий муж!» Можно предположить, что события минувших турецких войн восстали и в народной памяти, получив отклик в бытовании такого рода песен.

Песни военной тематики Уральского сборника, как уже отмечалось, невозможно отнести к той или иной традиции, жанру, теме. Однако в ходе анализа этих текстов наметились некоторые тенденции. Во-первых, можно выделить приблизительно 3 жанровые формы: панегирические «виваты», «короткие и острые припевки», былинные и плачевые стилизации. Во-вторых, все тексты можно противопоставить по «мере смеха»: остросатирические, иронические, самоиронические. Наконец, песни относятся к двум традициям: фольклорной и литературной, на пересечении которых лежит массовое искусство.

Основными средствами изобразительности в песнях явились метафора, гиперболы, эпитеты. Фамильярность и выкрики в песнях в адрес врага, вероятно, близки к юмористическому ярмарочному фольклору [6, с. 456],

однако в основном имеют сатирическую направленность. При этом сатира в военных песнях особенна, отлична от народной сатиры по обращенности. Народная сатира направлена против бар-угнетателей, попа, а также устоявшегося порядка вещей. Сатира военных песен имеет еще и патриотический характер, тогда как народная сатира — сугубо бытовая [20, с. 7].

Уральский сборник песен интересен своим необычайно широким жанровым составом и количеством песенных текстов. Жанровый пласт военных песен включает не много песен, но некоторые из них совершенно оригинальны, т.е. на данном этапе исследования не находят соответствий в других доступных песенных сборниках и, возможно, представлены только в исследуемом сборнике. Этот тематический пласт важен в своей целостности, в выборе тех, а не иных песенных текстов.

-
1. 1812 год в песнях: собрание текстов 33 русских и французских песен эпохи нашествия Наполеона I-го в Россию в 1812 г. / Гартевельд В. Н. Книгоиздательство К. И. Тихомирова. М., 1912.
 2. Азадовский М. К. История русской фольклористики / М. К. Азадовский. Т. 1. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1958. 479 с.
 3. Антология военной песни / сост. и автор предисл. В. Калугин. М.: Эксмо, 2006. 800 с.
 4. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки) / Л. Г. Бескровный. М.: Воениздат, 1958. 622 с.
 5. Бибиков Г. Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой / Г. Н. Бибиков // Исторические записки. Т. 32. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 265 с.
 6. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства / П. Г. Богатырев. М.: Искусство, 1971. 544 с.
 7. Богданович М. И. История войны 1814 г. во Франции. Т. 1. / М. И. Богданович. СПб., 1865.
 8. Боров Ю. М. Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю. М. Боров М.: Искусство, 1971. 269 с.
 9. Военная история Урала: События и люди / подобщей ред. А. В. Сперанского. Екатеринбург: Сократ, 2008. 320 с.
 10. Гаршин В. М. Красный цветок: Рассказы и сказки. — СПб.: Азбука-классика, 2008. 352 с.
 11. Дмитриев А. Очерки из истории губернского г. Перми / А. Дмитриев. Пермь, 1889.
 12. Емельянов Л. И. Исторические песни XVIII века / Л. И. Емельянов // Исторические песни XVIII века / изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. 355 с.

13. Земцов В. Н. Первая воинская часть в Екатеринбурге / В. Н. Земцов, В. А. Ляпин // Урал в зеркале тысячелетий. В 2 кн. Кн. 1. — Екатеринбург : Банк культур. информ., 2009. 214 с.
14. Календарь Пермской губернии на 1884 г. Пермь: Приложения.
15. Келдыш Ю. В. История русской музыки / Ю. В. Келдыш. Ч. 1. М.: Гос. музык. изд-во, 1948. 472 с.
16. Криничная Н. А. Народные исторические песни начала XVII века / Н. А. Криничная. Л.: Наука, 1974. 180 с.
17. Лернер Н. О. Пушкинологовические этюды / Н. О. Лернер. М.—Л., 1935.
18. Липатов В. А. Солдат и песня: 300 лет вместе / В. А. Липатов. Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2006. 154 с.
19. Лотман Ю. М. О русской литературе : ст. и исследования : история русской прозы, теория литературы / Ю. М. Лотман. СПб. : Искусство, 1997. 848 с.
20. Народнопоэтическая сатира. Л. : Совет. писатель, 1960. 469 с.
21. Новейший российский избранный песенник. М., 1817.
22. Нов. и полн. собр. рос. песен... / сост. Н. И. Новиков. Ч. 2. М., 1780.
23. Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. 616 с.
24. Песни и романсы русских поэтов / вступ. ст., подготовка текстов и прим. В. Е. Гусева. М.—Л., 1965. 1118 с.
25. Русская народная эпическая поэзия / сост. В. Путилова. Л. : Худож. лит., 1984. 438 с.
26. Сильванюк Р. М. «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова // Ученые записки КГПИ. Вып. 3. Кострома, 1957 [Электронный ресурс]. URL: <http://mir.k156.ru/chulkov/selvan1957.php>.
27. Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века / М. Н. Сперанский. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 266 с.
28. Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор / сост. В.П. Бирюков. Свердловск, 1953. 290 с.
29. Урал в Отечественной войне 1812 г. : сб. док. Свердловск, 1945. 228 с.

Е. Г. АСАДУЛИНА

Имена на карте города. О пребывании в Кушве известных людей в разные исторические периоды XIX—XX веков

В 2012 г. в «Областной газете» появилась небольшая рубрика «Этот день в истории области». Из коротких сообщений читатели газеты узнали, что в Екатеринбурге бывали Гайдар, Маяковский. Наша библиотека изучает